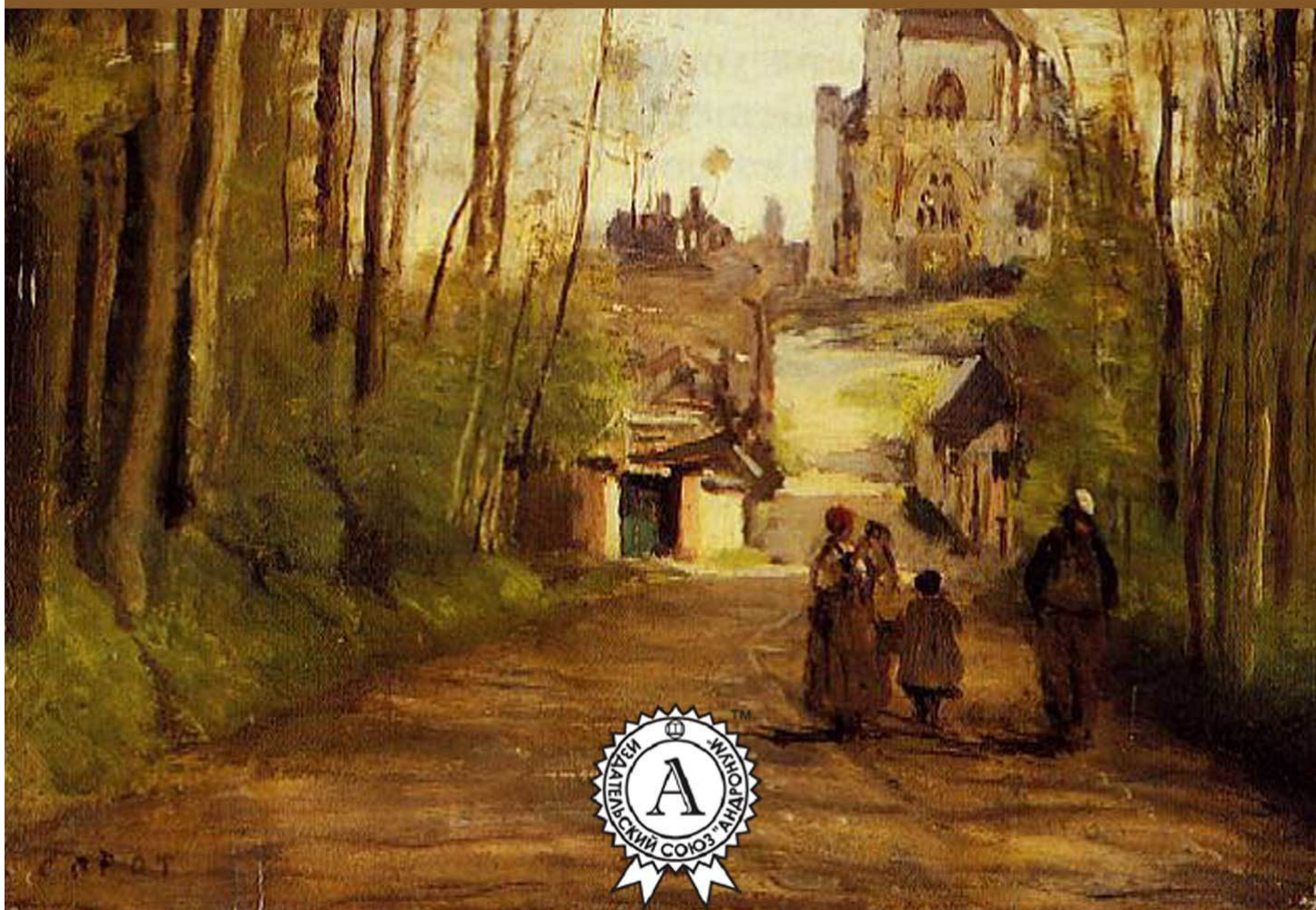

ПЕРСИ
ШЕЛЛИ

ВОЗМУЩЕНИЕ
ИСЛАМА

Перси Шелли

Возмущение Ислама

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Шелли П.

Возмущение Ислама / П. Шелли — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

«Возмущение Ислама» - произведение одного из величайших английских поэтов-романтиков XIX века П. Шелли (1792 – 1822).***Поэма написана в 1817 году. На русский язык ее перевел К. Бальмонт. Жанр поэмы – это социальная утопия, вызванная Французской революцией. В поэме впервые английская поэзия заговорила о равноправии женщин. Для Шелли эта проблема была одной из важных. Шелли принадлежал еще к тем, кто следовал идеям Просвещения. Но как поэт он уже переходил к романтизму. Такая двойственность – отличительная черта всего творчества поэта. Перу Шелли принадлежат и такие произведения: «Маскарад анархии», «Ченчи», «Сочинения».

© Шелли П.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	6
Посвящение	12
К Мэри	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Перси Биши Шелли ВОЗМУЩЕНИЕ ИСЛАМА

ЛАОН И ЦИТНА,

или

ВОЗМУЩЕНИЕ ЗОЛОТОГО ГОРОДА

Видение девятнадцатого века

*Дай где стать,
И я сдвину вселенную.
Архимед*

Предисловие

Поэма, ныне предлагаемая мною миру, представляет из себя попытку, от которой я вряд ли могу ожидать успеха, в которой писатель с установившейся славой мог бы потерпеть неудачу, не причинив себе этим никакого посрамления. Это опыт касательно природы общественного духа, имеющий целью удостовериться, насколько еще, при тех бурях, которые потрясли нашу эпоху¹, среди людей просвещенных и утонченных, сохранилась жажда более счастливых условий общественной жизни, моральной и политической. Я старался соединить в одно целое напевность размерной речи, воздушные сочетания фантазии, быстрые и тонкие переходы человеческой страсти – словом, все те элементы, которые существенным образом составляют Поэму, и все это я хотел посвятить делу широкой и освободительной морали: мне хотелось зажечь в сердцах моих читателей благородное воодушевление идеями свободы и справедливости, ту веру и то чаяние чего-то благого, которых ни насилие, ни искажение, ни предрассудок не могут совершенно уничтожить в человечестве.

Для этой цели я избрал историю человеческой страсти в ее наиболее всеобщей форме, историю, перемешанную с волнующими и романтическими приключениями и взывающую, вопреки всем искусственным мнениям и учреждениям, ко всеобщим влечениям каждого человеческого сердца. Я не делал попытки восхвалять с помощью правил и систематических доказательств те внутренние побуждения, которым я хотел бы доставить торжество, взамен побуждений, ныне управляющих человечеством. Я хотел бы только возбудить чувства таким образом, чтобы читатель мог увидеть красоту истинной добродетели и был подвигнут к тем исследованиям, которые привели меня к моему нравственному и политическому кредо, являющемуся также догматом самых возвышенных умов мира. Поэма, таким образом, – за исключением первой Песни, чисто вводной, – является повествовательной, не дидактической. Это смена картин, в которых изображены рост и преуспевания отдельного ума, стремящегося к совершенству и полного любви к человечеству; его старания утончить и сделать чистыми самые дерзновенные и необычные порывы воображения, разума и чувств; его нетерпение при виде «всех угнетений, свершенных под солнцем», его стремление пробудить общественные чаяния и, просветительным путем, улучшить человечество; быстрые результаты такого стремления, приведенного к осуществлению: пробуждение великого народа, погрязшего в рабстве и низости, к истинному чувству нравственного достоинства и свободы; бескровное низложение притеснителей с трона и разоблачение ханжеских обманов, которыми эти люди были вовлечены в подчиненность; спокойствие торжествующего патриотизма и всеобъемлющая терпимость озаренного благоволением, истинного человеколюбия; вероломство и варварство наемных солдат; порок как предмет не кары и ненависти, а доброты и сострадания; предательство тиранов; заговор Мировых Правителей и восстановление чужеземным оружием изгнанной Династии; избиение и истребление Патриотов и победа установленной власти; последствия законного утеснения, гражданская война, голод, чума, суеверие и крайнее погашение семейных чувств; судебное убиение защитников Свободы; временное торжество гнета, этот верный залог конечного и неизбежного его падения; переходный характер невежества и заблуждения и вечная неизменность гения и добродетели. Таково в общих очертаниях содержание Поэмы. И, если возвышенные страсти, которыми я хотел отметить это повествование, не возбудят в читателе благородного порыва, пламенной жажды совершенства, глубокого и сильного интереса, которые связаны со столь благородными желаниями, пусть эта неудача не будет отнесена на счет

---

¹ ...бурях, которые потрясли нашу эпоху... – Имеется в виду Французская революция и ее последствия, то есть наполеоновские войны, реставрация Бурбонов, деятельность Священного союза, а также национально-освободительные движения в Европе.

естественного отсутствия в человеческом сердце сочувствия к таким высоким и воодушевляющим замыслам. Кому же, как не Поэту, надлежит сообщать другим наслаждение и воодушевление, проистекающие из таких образов и чувств, присутствие которых в его уме составляет одновременно и его вдохновение, и его награду!

Паника, подобно эпидемическому исступлению, охватившая все классы общества во время излишеств, сопровождавших Французскую революцию, мало-помалу уступает место здравому смыслу. Теперь уже более не верят, что целые поколения людей должны примириться с злополучным наследием невежества и нищеты лишь потому, что представители одной из наций, которая в течение столетий была поработана и одурачена, не были в состоянии вести себя с мудростью и спокойствием свободных людей, когда некоторые из их оков частью распались. То, что поведение этих людей не могло быть отмечено не чем иным, как свирепостью и безрассудством, представляет из себя исторический факт, служащий наибольшей хвалой свободе и показывающий ложь во всем отвратительном ее безобразии. В потоке человеческих вещей есть некое течение, которое относит потерпевшие крушение людские надежды в верную гавань, после того как бури отшумели. Мне кажется, те, что живут теперь, пережили эпоху отчаяния.

Французская революция может быть рассматриваема как одно из тех проявлений общего состояния чувств среди цивилизованного человечества, которые создаются недостатком соответствия между знанием, существующим в обществе, и улучшением или постепенным уничтожением политических учреждений. 1788 год можно принять как эпоху одного из наиболее важных кризисов, созданных подобными чувствами. Влечения, связанные с этим событием, коснулись каждого сердца. Наиболее великодушные и добрые натуры участвовали в этих влечениях наиболее широким образом. Но осуществить в той степени ни с чем не смешанное благо, как этого ждали, было невозможно. Если бы Революция была преуспеванием во всех отношениях, злоупотребления власти и суеверие наполовину утратили бы свои права на нашу ненависть, как цепи, которые узник мог развязать, едва шевельнув своими пальцами, и которые не въедаются в душу ядовитой ржавчиной. Обратное враждебное течение, вызванное жестокостями демагогов, и восстановление последовательных тираний во Франции были ужасны, и самые отдаленные уголки цивилизованного мира это почувствовали. Могли ли внимать доводам рассудка те, кто стонали под тяжестью несчастий бедственного общественного состояния, благодаря которому одни разгульно роскошествуют, а другие, голодая, нуждаются в куске хлеба? Может ли тот, кого вчера топтали как раба, внезапно сделаться свободомыслящим, сдержанным и независимым? Это является лишь как следствие привычного состояния общества, созданного решительным упорством и неутомимой надеждой и многотерпеливым мужеством, долго во что-нибудь верившим, и повторными усилиями целых поколений, усилиями постепенно сменявшихся людей ума и добродетели. Таков урок, преподанный нам нынешним опытом. Но при первых же превратностях чаяний на развитие французской свободы пылкое рвение к добру перешло за пределы разрешения этих вопросов и на время погасло в неожиданности результатов. Таким образом, многие из самых пламенных и кротко настроенных поклонников общественного блага были нравственно подорваны тем, что частичное неполное освещение событий, которые они оплакивали, явилось им как бы прискорбным разгромом их заветных упований. Благодаря этому угрюмость и человеконенавистничество сделались отличительной чертой эпохи, в которую мы живем, утешением разочарования, бессознательно стремящегося найти утешение в своенравном преувеличении собственного отчаяния. В силу этого литература нашего века была запятнана безнадежностью умов, ее создавших. Метафизические изыскания, равно как исследования в области нравственных вопросов и политического знания, сделались не чем иным, как тщетными попытками оживить погибшие суеверия²¹⁷, или

² Я должен сделать исключение для *Academical Questions* сэра В. Дрюммонда¹⁷ – том крайне острой и мощной метафизич-

софизмами, вроде софизмов Мальтуса³, рассчитанными на то, чтобы убаюкивать притеснителей человечества, шепча им о вечном торжестве⁴. Наши беллетристические и политические произведения омрачились той же смертной печалью. Но, как мне кажется, человечество начинает пробуждаться от своего оцепенения. Я чувствую, думается мне, медленную, постепенную, молчаливую перемену. В этой уверенности я и написал данную поэму.

Я не притязаю на состязательство с нашими великими современными Поэтами. Но я не хочу также и идти по следам кого бы то ни было из моих предшественников. Я старался избежать подражаний какому-либо стилю языка или стихосложения, свойственному оригинальным умам, с которыми стиль этот причинно связан, – имея в виду, чтобы то, что я создал, пусть даже оно не имеет никакой ценности, было все же совершенно моим. Я не позволил также какой-нибудь чисто словесной системе отвлечь внимание читателя от достигнутого мной интереса, каков бы он ни был, и обратить это внимание на собственную мою замысловатость в изобретательности. Я просто облек мои мысли таким языком, который мне казался наиболее явным и подходящим. Кто сроднился с природой и с самыми прославленными созданиями человеческого ума, тот вряд ли ошибется, следуя инстинкту, при выборе соответствующей речи.

Есть некоторое воспитание, особенно подходящее для Поэта, воспитание, без которого гений и впечатлительность вряд ли совершат полный круг своих способностей. Конечно, какое воспитание не уполномочит на это наименование ум тупой и ненаблюдательный или ум хотя бы не тупой и способный к наблюдательности, но такой, что в нем пути между мыслью и выражением засорены или закрыты. Насколько моим уделом было принадлежать к тому или к другому разряду, я не знаю. Я стремлюсь к тому, чтобы быть чем-нибудь лучшим. Случайные обстоятельства моего воспитания благоприятствовали этой честолюбивой мечте. Я с детства сроднился с горами, и с озерами, и с морем, и с уединением лесов: Опасность, играющая на краю пропастей, была моей сверстницей. Я проходил по ледникам Альп и жил под взором Монблана. Я скитался среди отдаленных равнин. Я плыл по течению могучих рек и видел, как солнце восходит и заходит и как выступают звезды, меж тем как я плыл и ночью и днем по быстрому потоку среди гор. Я видел людные города и наблюдал, как страсти возникают, и распространяются, и падают, и меняются среди нагроможденных множеств людей. Я видел сцену самых явных опустошений тирании и войны, города и деревни, превратившиеся в разъединенные небольшие группы черных домов, лишенных кровли, видел, как нагие их обитатели сидят, голодные, на своих опустелых порогах. Я говорил с ныне живущими гениями. Поэзия Древней Греции, и Рима, и современной Италии, и нашей собственной страны была для меня, как внешняя природа, страстью и наслаждением. Таковы источники, из которых я извлек материалы для сценической обстановки моей Поэмы. Я рассматривал Поэзию в самом широком смысле; я читал Поэтов, и Историков, и Метафизиков⁵, сочинения которых были мне доступны; я смотрел на прекрасную и величественную панораму земли как на общий источник тех элементов, соединять которые в одно целое и различным образом сочетать есть удел Поэта. Однако опыт и чувства, мною указываемые, сами по себе не делают еще людей поэтами, а только готовят их, чтобы они могли быть слушателями поэтов существующих. Насколько я буду признан обладателем этой другой, более существенной принадлежности Поэзии, способности

чешской критики.

¹⁷ Дрюммонд Вильям (1770?-1828) – английский мыслитель и публицист.

³ Мальтус Томас Роберт (1766–1834) – английский экономист, утверждавший, что бедственное положение трудящихся – результат «абсолютного избытка людей».

⁴ Достопримечательно, как знак оживления общественных чаяний, что мистер Мальтус в позднейших изданиях своего сочинения, приписывает нравственному воздержанию безграничную власть над принципом народонаселения. Эта уступка отвечает на все последствия его системы, неблагоприятные для человеческого преуспеяния, и превращает опыт о народонаселении в изъяснительную иллюстрацию к неоспоримости общественной справедливости.

⁵ В этом смысле в создании вымысла может быть известное усовершенствование, несмотря на нередкое утверждение защитников человеческого преуспеяния, будто этот термин, усовершенствование, применим только к науке.

пробуждать в других ощущения, подобные тем, что оживляют мое собственное сердце, этого, говоря чистосердечно, я совершенно не знаю; и об этом я, с полной готовностью покориться, буду судить по впечатлению, произведенному на тех, к кому я теперь обращаюсь.

Как я уже говорил, я старался избегнуть подражания какому-либо из современных стилей. Но между всеми писателями какой-либо данной эпохи должно быть известное сходство, не зависящее от их собственной воли. Они не могут уклониться от подчинения общему влиянию, проистекающему из бесконечного сочетания обстоятельств, относящихся к эпохе, в которую они живут, хотя каждый из них до известной степени является созидателем того самого влияния, которым проникнуто все его существо. Таким образом, трагические поэты эпохи Перикла⁶, итальянские возродители древнего знания, могучие умы нашей собственной страны, наследовавшие Реформации, переводчики Библии, Шекспир, Эдмунд Спенсер⁷, драматурги Елизаветинской эпохи⁸ и лорд Бэкон⁹, более холодные души следующего периода – все они имеют сходство между собою, хотя они отличаются друг от друга. При таком порядке вещей Форд не более может быть назван подражателем Шекспира, чем Шекспир подражателем Форда. Между двумя этими людьми было, может быть, немного других точек соприкосновения, кроме всеобщего и неизбежного влияния их эпохи. Это именно то влияние, от которого не властен ускользнуть ни самый ничтожный писака, ни самый возвышенный гений какого бы то ни было времени; уклониться от такого влияния не пытался и я.

Я выбрал для своей Поэмы спенсеровскую стансу – размер необыкновенно красивый – не потому, что я считаю ее более тонким образцом поэтической гармонии, чем белый стих Шекспира и Мильтона¹⁰, а потому, что в области последнего нет места для посредственности: вы или должны одержать победу, или совершенно пасть. Этого, пожалуй, должен был бы желать дух честолюбивый. Но меня привлекала также блестящая пышность звука, которой может достигнуть ум, напитанный музыкальными мыслями, правильным и гармоническим распределением пауз в этом ритме. Есть, однако, места, где я потерпел в своей попытке полную неудачу, одно место я прошу читателя рассматривать как простую ошибку, ибо в середине стансы я, неосмотрительным образом, оставил александрийский стих.

Но как в этом, так и в других отношениях я писал без колебания. Это истинное несчастье нашего времени, что современные писатели, совершенно не думая о бессмертии, необыкновенно чувствительны к временным похвалам и порицаниям. Они пишут и в то же время трепещут разных обозрений, которые как будто у них перед глазами. Подобная система критики возникла в тот оцепенелый промежуток времени, когда поэзии вовсе не было. Лонгин не мог быть современником Гомера, ни Буало современником Горация. Но такой род критики никогда и не притязал на утверждение своих приговоров как таковых: эта критика, нимало не похожая на истинное знание, не предшествовала мнению людей, а всегда следовала за ним, она хотела бы даже и теперь, ценой своих ничтожных похвал, подкупить некоторых из величайших наших поэтов, чтобы они наложили добровольные оковы на свою фантазию и сделались бессознательными соучастниками в ежедневном убиении каждого гения, не столь стремительного или не столь счастливого, как они. Я старался поэтому писать так, как писали, по моему представлению, Гомер, Шекспир и Милтон, с крайним пренебрежением к безымянным осуждениям. Я уверен, что клевета и искажение моих мыслей могут вызвать во мне соболезнование, но не могут нарушить мой покой. Я уразумею выразительное молчание тех проницательных врагов, которые не осмеливаются говорить сами. Из оскорблений, поношений и проклятий я

⁶ ...трагические поэты эпохи Перикла... – Эсхил, Софокл и Еврипид.

⁷ Спенсер Эдмунд (1552?-1599) – английский поэт эпохи Возрождения.

⁸ ...драматурги Елизаветинской эпохи... – Драматурги второй половины XVI столетия, первым из которых был Вильям Шекспир (1564–1616).

⁹ Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ, автор трактата «Новый органон» и утопии «Новая Атлантида».

¹⁰ Милтон стоит одиноко в эпохе, которую он озарял.

постарался извлечь те увещания, которые могут содействовать исправлению каких бы то ни было несовершенств, открытых подобными осудителями в моем первом серьезном обращении к публике. Если бы известные критики были столь же ясновидящи, как они злостны, сколько благого можно было бы извлечь из их злобных писаний. При данном порядке вещей, боюсь, я буду достаточно лукавым, чтобы позабавиться их дрянными ухищрениями и их хромыми нападками. Если публика решит, что мое произведение не имеет ценности, я преклонюсь пред трибуналом, от которого Мильтон получил свой венец бессмертия, и постараюсь, если только буду жить, найти в этом поражении силу, которая подвигла бы меня в новую попытку мысли, уже *не* лишенную ценности. Я не могу представить, чтобы Лукреций¹¹, когда он размышлял над поэмой, идеи которой до сих пор еще составляют основание нашего метафизического знания и красноречию которой дивилось человечество, писал ее и в то же время боялся осуждения наемных софистов, подкупленных грязными и суеверными аристократами Рима. Лишь в тот период, когда Греция была пленена и Азия сделалась данницей республики, почти уже склонявшейся к рабству и разрушению, толпа сирийских пленников, слепо поклонявшихся своей бесстыдной Астарот¹², и недостойные преемники Сократа¹³ и Зенона¹⁴ нашли себе свое неверное пропитание в том, что, под названием вольноотпущенников, способствовали порокам и тщеславноностям великих. Эти злосчастные были опытни в искусстве защищать набором поверхностных, но приемлемых софизмов презрение к добродетели, являющееся уделом рабов, и веру в чудеса, эту гибельнейшую замену благоволения в умах людей. Неужели на неодобрение подобного сорта людей мудрый и возвышенный Лукреций смотрел с благодетельным страхом? Последний и, быть может, самый малый из тех, кто пошел по его дороге, с презрением отвернулся бы от жизни при таких условиях.

Я работал над предполагаемой Поэмой полгода с небольшим. В течение этого периода я предавался осуществлению своего замысла с неустанным рвением и воодушевлением. По мере того как моя работа продвигалась вперед, я подвергал ее самой внимательной и серьезной критике. Я охотно предал бы ее гласности с тем совершенством, которое, говорят, дается долгой работой и пересмотром. Но я нашел, что, если бы этим путем я выиграл что-нибудь в точности, я много потерял бы в свежести и силе образов и языка, в их прямой непосредственности. И хотя внешняя работа над Поэмой продолжалась не более шести месяцев, мысли, вложенные в нее, медленно накапливались в течение многих лет.

Я высказываю уверенность, что читатель тщательно будет различать те мнения, которые, как драматическая принадлежность, изъясняют изображаемые характеры, от тех мыслей, которые принадлежат лично мне. Так, например, я нападаю на ошибочное и унижительное представление о Верховном Существо, которое оставили себе люди, но я не нападаю на само Верховное Существо. То мысленное утверждение, которое некоторые суеверия, выведенные мною на сцену, поддерживают касательно Божества, оскорбительное для Его благоволения, весьма отличается от моего. Точно так же, взывая к великой и важной перемене в области Бога, оживляющего общественные учреждения человечества, я избегал всякого потакания тем насильственным и зловредным страстям нашей природы, которые всегда наготове, чтобы смешаться и перепутаться с самыми благодетельными нововведениями. Здесь нет места отщению, или Зависти, или Предубеждению. Везде прославляется только Любовь, как единственный закон, долженствующий управлять нравственным миром.

В личном поведении моего героя и моей героини есть обстоятельство, которое введено с целью пробудить читателя из оцепенения обычной повседневности. Моим намерением было

¹¹ ...Лукреций, когда он размышлял над поэмой... – Имеется в виду поэма «О природе вещей».

¹² Астарот (Астарта) – финикийская богиня брака и любви.

¹³ Сократ (ок. 469–399 гг. до н. э.) защищал принципы высокой нравственности.

¹⁴ Зенон (IV в. до н. э.) отличался крайне суровым образом жизни.

прорвать кору тех изношенных мнений, на которых зыблются некоторые установления. Я воззвал поэтому к наиболее всеобщему из чувствований и сделал попытку усилить нравственное чувство, возбранив ему истреблять свою энергию в стараниях избегать действий, которые представляют из себя лишь условные преступления. Истинных добродетелей так мало именно потому, что существует такое множество искусственно созданных пороков. Только те чувства, которые полны благоволения или зложелательства, являются по существу добрыми или злыми. Указываемое мною обстоятельство было, впрочем, введено мною главным образом для того, чтобы приучить людей к тому милосердию и к терпимости, которые имеют наклонность возникать при созерцании обычаев, значительно отличающихся от наших. На самом деле ничто не может быть столь зловредным по своим последствиям, как многие действия, невинные сами по себе и привлекающие на отдельных людей слепое презрение и бешенство толпы¹⁵.

---

¹⁵ Чувства, связанные с этим обстоятельством и ему присущие, не имеют.

Посвящение

*Нет для того опасности, кто знает,
Что жизнь и смерть: закона нет иного,
Чтоб знание его превосходило:
И незаконно было б, чтоб склонялся
Он пред другим каким-нибудь законом.*
Чапман¹⁶

---

¹⁶ Чапман Джордж (1559?-1634) – английский поэт и драматург.

К Мэри

1

Теперь мой летний труд окончен, Мэри.
С тобой я вновь, приют сердечный мой,
Как Рыцарь Фей, своей послушный вере,
С добычею вернувшийся домой,
С добычей для дворца его Царицы:
Не презри, если я мою звезду,
Сокрытую как бы во мгле темницы,
С твоею слил, когда я только жду,
Что, может быть, я встречу луч привета,
Тогда как ты – Дитя любви и света.

2

Окончен труд, что у тебя часов
Так много отнял, – он перед тобою!
Не в тишине задумчивых лесов,
Где ветви, встретясь, выются пеленою,
Не там, где в полнозвучном забытии
Журча, стремятся волны водопада,
Не между трав, где для моей ладьи
Затон был тиши, вспыхнет мне отрада,
Но близ тебя, души моей звезда,
Где сердцем в эти дни я был всегда.

3

Мечтой ласкал я светлые деянья,
Когда впервые с мира спала тень.
Проснулся дух. Я помню обаянье.
То был веселый свежий майский день.
Я шел меж трав, они в лучах блестели.
Я плакал, сам не зная почему,
Из ближней школы крики долетели,
Мир звуков, чуждых сердцу моему,
Враждебный ропот боли и обманов,
Скрипучий смех насильников, тиранов.

4

И, руки сжав, я посмотрел вокруг,
Но слез моих никто не мог заметить,
Я был один, кругом был светлый луг,
И, не боясь насмешку взора встретить,
Воскликнул я: «Хочу я мудрым быть,
Свободным, кротким, нежным, справедливым,
Не в силах я ни видеть, ни забыть,
Что сильный может злым быть и счастливым».
И я решил быть твердым навсегда,
И кротким я и смелым стал тогда.

5

И стал я накапливать с того мгновенья
Познания из запретных рудников,
К тиранам полон был пренебреженья,
Не принимал мой ум пустых их слов,
И для души, в тех горницах сокрытых,
Себе сковал я светлую броню
Из чаяний, из мыслей, вместе слитых,
Которым никогда не изменю;
Я рос, но вдруг почувствовал однажды,
Что я один, что дух мой полон жажды.

6

Увы, любовь – проклятье, злейший враг,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.